

Экономическая преступность в системах государственной и кооперативной торговли Башкирии в 1947—1953 гг.

А. В. Антошкин

МАОУ «Гимназия № 2» г. Стерлитамак, Республика Башкортостан

На основе архивных документов анализируются экономические преступления в предприятиях государственной и кооперативной торговли Башкирии, определяются виды и особенности преступности, а также способы борьбы с ней. После отмены карточной системы в 1947 г. в торгово-складской сети Министерства торговли и потребительской кооперации Башкирии неуклонно возрастали объемы реализации продовольственных и промышленных товаров, что вело к увеличению в кассах денежной наличности. Вместе с тем в торговых предприятиях и складах возросли запасы товароматериальных ценностей, в том числе ранее дефицитных ходовых товаров, материалов и дорогостоящего инвентаря. Эти изменения вызвали необходимость принятия комплекса мер по охране социалистической собственности в предприятиях торговли. Выявлено, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. об уголовной ответственности за хищение, растраты государственного имущества способствовал сокращению числа экономических преступлений в торговле в ряде районов Башкирии. Успехи в борьбе с экономической преступностью были обусловлены комплексным подходом к проблеме. Помимо ужесточения наказаний последовательно улучшалось кадровое обеспечение предприятий торговли, проводились регулярные аттестации материально-ответственных лиц, количество документальных и внезапных ревизий неуклонно возрастало, повышалось их качество. В то же время, несмотря на общее снижение количества экономических преступлений, увеличилось количество крупных растрат, фиксировались случаи соучастия в растратах и хищениях бухгалтеров и членов ревизионных комиссий, менялись формы фальсификации финансовой отчетности.

Ключевые слова: *торговля, экономическая преступность, потребительская кооперация, розничная торговая сеть, растраты, хищения, Указ от 4 июня 1947 г., Башкирия.*

Одним из важнейших условий развития торговли являлась успешная борьба с преступлениями непосредственно в торговых предприятиях. После проведения денежной реформы 1947 г. в торгово-складской сети последовательно возрастали объемы продовольственных и промышленных товаров, охрана которых от расхищения и нецелевого использования становилась одной из важнейших задач. Для успешного выполнения планов товарооборота, а также для постепенного устранения в системах государственной и кооперативной торговли убыточных предприятий, требовалось обеспечить эффективную борьбу с экономической преступностью. Интерес к теме обусловлен, с одной стороны, значительными изменениями в работе торговых предприятий, внедрением новых методов ревизорской работы, улучшением кадровой политики Министерства торговли и потребительской кооперации. С другой стороны, важно определить степень эффективности работы правоохранительных органов, так как преступления в сфере торговли оказывали влияние на стабильность социально-экономического развития общества, ставили под угрозу срыва бюджетные обязательства предприятий торговли. Кроме того, наличие в торговых системах растрат, хищений и иных злоупотреблений с дефицитными товарами при их отсутствии на прилавках снижало доверие граждан к государству.

Целью статьи является выявление и анализ количественных и качественных показателей экономической преступности в сфере торговли на территории Башкирии в 1947—1953 гг.

На сегодняшний день в исторической литературе нет специальных исследований по злоупотреблениям в системах кооперативной и государственной торговли в период послевоенного восстановления народного хозяйства. В коллективных обобщающих работах уделялось внимание уровню потребления населения, обращалось внимание на проблемы дефицита продовольственных и промышленных товаров, однако вопросы соотношения развития торговли и эффективности борьбы с растратами и хищениями в предприятиях торговли остались неосвещенными. Ликвидировать пробелы региональной историографии можно за счет расширения источниковой базы.

Привлечение архивных материалов нацелено на получение представлений об основных тенденциях и объемах нарушений в системах государственной и кооперативной торговли Башкирии, а также на выявление основных черт экономической преступности. Среди документов особое место занимают делопроизводственные и статистические материалы республиканского Министерства торговли, в том числе переписка с Министерством торговли РСФСР по вопросам борьбы с хищени-

ями и растратами, докладные записки и оперативные сведения о правонарушениях в розничной торговой сети. В исследовании были использованы доклады Бюджетной комиссии Верховного Совета Башкирской АССР и материалы Собрания Совета Башпотребсоюза, отчетные материалы республиканских совещаний работников государственной торговли и потребкооперации.

Всемерное развитие товарооборота, а также успешное осуществление различных хозяйственных задач в системах государственной торговли и потребительской кооперации было немыслимо в отрыве от охраны и укрепления социалистической собственности. На повестку дня вопрос охраны социалистической собственности был выдвинут объективными условиями выполнения еще первого пятилетнего плана [Ерин, 2016, С. 137]. Торговая сеть Министерства торговли и потребительская кооперация представляли собой крупные хозяйственные организации, располагающие большими товароматериальными ценностями и средствами. Охрана государственной и кооперативной собственности от растрат и хищений, расточительства и «разбазаривания», являлась составной частью общегосударственной задачи¹.

Проблема охраны социалистической собственности в предприятиях торговли со всей остротой проявилась в годы Великой Отечественной войны. Постановлением ГКО от 22 января 1943 г. была установлена повышенная имущественная ответственность для лиц, причинивших урон государственной или кооперативной организации путем растраты или хищения. Оно предусматривало возмещение нанесенного ущерба в размере рыночной стоимости украденных или недостающих продовольственных товаров и в размере пятикратной коммерческой цены для промтоваров [Аполовников, 2021, С. 206].

В послевоенные годы высокий уровень преступности во многом обуславливался особенностями повседневной жизни. Безусловно, одной из таких особенностей, которая наиболее сильно повлияла на криминогенную обстановку, была бедность населения [Попова, 2021, С. 63]. В то же время за годы войны значительно ослабили возможности государственного контроля в области торговли, в первую очередь это касается работы Государственной торговой инспекции, милиции и прокуратуры. В кооперативной торговле снизилась эффективность работы ревизионных и лавочных комиссий. Кроме того, в системе потребительской кооперации имело место наличие неформальных товарных отношений, при которых

¹ Национальный Архив Республики Башкортостан (НАРБ), Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1295. Л. 32.

представители сельсоветов, ревизионных комиссий и партийного актива имели доступ к распределению дефицитных товаров. Порожденные такой практикой злоупотребления отличались значительной устойчивостью, полностью искоренить их за счет ужесточения наказаний не удавалось.

Тем не менее, после денежной реформы и отмены карточной системы число преступлений значительно уменьшилось: в 1948 г. на 52,4 %, в 1949 г. — на 23,6 %, в 1950 г. — на 13,9 %. Наиболее значительное снижение преступности было зафиксировано в Башкирии (на 32,9 %) [Емелин, 2013, С. 87].

В целом по республике за 1948 г. хищения государственного и кооперативного имущества сократились на 38,8%. Однако в системе потребительской кооперации за 1947 г. было расхищено товароматериальных ценностей на сумму 5175 тыс. руб., а в 1948 г. — на сумму 6623 тыс. руб². Эти данные говорят о неблагополучии и серьезных недостатках в системе потребкооперации. С точки зрения Президиума Правления Башпотребсоюза причины крылись в том, что многие работники потребкооперации попустительствовали хищениям и растратам и в ряде случаев помогали преступникам. Имелись сотни фактов, когда должностные лица игнорировали законы и не принимали мер к охране кооперативной собственности.

Значительные перемены в работе судебно-следственных органов были связаны с вступлением в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 04.06.1947 г. «Об усилении уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Согласно части 4 данного Указа хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества, совершаемое повторно, а равно совершенное организованной группой или в крупных размерах каралось заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от восьми до двадцати лет с конфискацией имущества. Указ был призван сослужить важную активную роль в дальнейшем укреплении социалистической собственности, а также «в устранении пережитков капитализма в сознании наших людей»³. С официальной точки зрения Указ от 4 июня 1947 г. отвечал новым условиям и отражал заботу Советского государства об охране социалистической собственности [Бордонов, 1952, С. 3].

В выступлении Министра юстиции Башкирской

² Там же, Л. 206.

³ Постановление Пленума Верховного совета СССР о судебной практике по делам о хищениях социалистической собственности // Социалистическая законность. 1952. № 7. С. 2.

АССР З. И. Изгина на совещании работников потребительской кооперации 10 октября 1949 г. были обозначены основные недостатки в работе судебно-следственных органов, особенно по борьбе с растратами и хищениями.

З. И. Изгин подчеркнул, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. способствовал сокращению числа растрат в ряде районов Башкирии. Однако в целом по республике в системе потребительской кооперации растраты и хищения не уменьшались, а в некоторых районах даже росли. Растраты и хищения росли, в том числе, потому, что не было эффективной борьбы со стороны как судебных органов, так со стороны милиции и прокуратуры. Изучение дел по растратам и хищениям позволило вскрыть существенные недостатки в работе организаций Министерства торговли и потребкооперации. К числу этих недостатков относилось отсутствие должного и своевременного контроля за работой государственной и кооперативной торговой сети со стороны районных потребительских союзов и Министерства торговли¹.

Имела место неповоротливость в проведении ревизий торговых организаций. Не было тщательного подбора кадров, вследствие чего в систему потребкооперации проникали лица, имевшие судимость за растраты и хищения. Непроверенные и не заслуживающие доверия кадры стали основной проблемой кооперации. Кроме того, в системе потребкооперации отмечались факты семейственности и укрывательства растратчиков со стороны руководства. Материалы в следственные органы передавались несвоевременно и оформлялись некачественно.

По данным Министерства юстиции Башкирской АССР совершение преступлений стало возможным вследствие отсутствия надлежащего контроля (54 % дел), в результате умышленного попустительства (8 % дел), в результате приема на работу ранее судимых (25 % дел). Остальные 13 % дел стали следствием плохо организованной охраны кооперативной собственности².

Низкая эффективность работы ревизионных и правоохранительных органов вела к тому, что преступления длительное время оставались нераскрытыми. Например, Народным судом второго участка Бирского района 28 марта 1949 г. за хищения Токарев и Рубцова были приговорены

¹ Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Том 26. 1946-1950 гг. / сост. Р. А. Валишин. Уфа : Изд-во Секретариата Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, 2021. С. 210.

² НАРБ, Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1296. Л. 131.

к 20 годам лишения свободы каждый. Работая в магазине, они присвоили в общей сложности 56 тыс. руб. Их преступная деятельность длилась с 1945 г. по январь 1949 г. За это время ежегодно в магазине проводились ревизии. Ревизии растрат не выявляли, что дало возможность злоумышленникам продолжать преступную деятельность³.

С точки зрения Министерства юстиции судебно-следственные органы не проявляли необходимой инициативы и оперативности в борьбе с растратами и хищениями. Больше того, они нарушали установленные правительством сроки, затягивали расследования и рассмотрения дел. Судебные органы также затягивали выписку исполнительных листов по приговорам, вступившим в законную силу, и не передавали их на исполнение судебным исполнителям.

О проблемах в работе милиции может свидетельствовать следующий случай. В ноябре 1950 г. обокрали сельмаг Казанского сельпо Альшеевского района. В течение двух суток работники сельмага ждали прибытия сотрудников МГБ, но так и не дождались. На вторые сутки из райпотребсоюза дали телеграмму Министру МГБ, после чего еще через двое суток прибыл работник МГБ из Бирска с собакой. На месте милиционеру предоставили лошадь, но он отказался на ней ехать, прошел несколько километров пешком, после чего объявил работникам кооперации, что «дальше искать бесполезно»⁴.

Имели место случаи, когда следствие по растратам тянулось по 3-6 месяцев. Тем самым растратчики получали возможность распродать свое имущество. Следственные работники также допускали несвоевременный арест имущества. В этом коренилась основная причина того, что взыскание сумм по растратам в целом по республике составляло всего 15%. В отдельных случаях судебные органы составляли неправильные акты о несостоятельности. Учитывая, что растраты и хищения в торговых организациях оставались большим местом, решением Бюро обкома ВКП(б) и Министерства юстиции было созвано республиканское совещание народных судей и судебных исполнителей, где ставились вопросы о крупных недостатках работы народных судов по борьбе с растратами и хищениями в системе потребительской кооперации. Многие народные суды допускали нарушение десятидневного срока. Так, из всех рассмотренных дел по растратам и хищениям за 8 месяцев 1949 г. по Указу от 4 июня 1947 г. в 10-дневный срок было рассмотрено 1400 дел, что составило только 50%. В пределах от 10

³ НАРБ, Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1296. Л. 134.

⁴ Там же, Ф. П-122. Оп. 32. Д. 153. Л. 50.

дней до одного месяца было рассмотрено 1019 дел и в срок свыше одного месяца — 493 дела¹. Безусловно, следователи должны были проводить свои следственные действия быстро и оперативно, чтобы противопоставить свои умения и опыт жульническим уловкам и хитрым комбинациям сокрытия преступниками следов преступления [Радонцев, 1952, С. 74].

Как показало изучение уголовных дел, в основном карательная политика в отношении растратчиков и расхитителей выдерживалась. В отдельных случаях имело место условное осуждение и переквалификация на ст. 109 — служебное злоупотребление или ст. 111 — халатность. В момент проверки Министерством юстиции 213 дел осужденных за растраты и хищения в потребкооперации было выявлено всего 7 фактов условного осуждения и переквалификации на иные статьи². Отметим, что длительное время при назначении наказания виновным в хищении государственного и общественного имущества применялись ст. 51 и 53 УК РСФСР. В результате имели место приговоры к наказаниям ниже низшего предела, указанного в ст. 51, или когда приговор не приводился в исполнение, или назначалось условное наказание с определенным испытательным сроком (ст. 53). В данном случае речь шла об отступлении от твердо определенных предельно минимальных санкций закона [Громов, 1952, С. 26].

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 6 мая 1952 г. обратило внимание судов на то, что при рассмотрении дел о недостатках вверенного должностным лицам государственного или общественного имущества необходимо с особой тщательностью исследовать причины образовавшейся недостачи. В тех случаях, когда недостача явилась результатом хищения, расхитители должны быть разоблачены и понести должное наказание по Указу от 4 июня 1947 г., а не по статьям уголовного кодекса о должностных преступлениях [Угольников, 1953, С. 71].

Отдельной проблемой в деле борьбы с растратами и хищениями в предприятиях торговли была низкая эффективность ревизорской работы. Инструктор-ревизор Кугарчинского райпотребсоюза Лукьянов в своем выступлении на совещании работников потребительской кооперации в октябре 1949 г. отметил ключевые трудности в работе. Он начал работать ревизором в потребкооперации с 1947 г. после окончания Бирской кооперативной школы. В то время в районе растрат было более чем на 200 тыс. руб. Эти растраты из года в год уменьшались, хотя и не были изжиты полно-

стью. Одна из причин крылась в неправильном использовании инструкторов-ревизоров. К примеру, районный прокурор выносил постановление, предписывая ревизору Лукьянову ехать в детские дома для производства документальных ревизий, после чего сразу последовало предписание произвести ревизию в школе механизации. В результате планы ревизий в самой потребкооперации не выполнялись. Такая ситуация сложилась после ликвидации штата ревизоров в Райфинотделах³.

На документальную ревизию в среднем уходило 10—15 дней. Однако на этом дело не заканчивалось. Если кто-то из работников был привлечен к ответственности, то ревизору приходилось давать официальные показания. Через некоторое время ревизора вызывали на очную ставку с обвиняемым, после чего начинались вызовы на судебные заседания. Имел место случай, когда Кугарчинский районный суд передал дело в Юмагузинский районный суд, а оттуда дело было передано в Верховный суд Башкирской АССР. Ревизор иногда получал из Башпотребсоюза телеграмму: «Инструктору Лукьянову запрещаем делать постороннюю ревизию», однако прокурор или райком партии обычно отвечали, что «эта телеграмма лично ваша, а если не выполните наше постановление, то будете отвечать по статье»⁴.

Ревизиями и проверками были установлены многочисленные факты растрат и хищений со стороны руководителей сельпо и райпотребсоюзов. За растраты и хищения кооперативных средств были привлечены к судебной ответственности 36 председателей и 22 бухгалтера сельпо. За год было отстранено пайщиками от работы 132 председателя сельпо, многие из них за допущенные злоупотребления, пособничество в растратах и другие компрометирующие действия. Постановлением Совета Башпотребсоюза от 21 июня 1949 г. были исключены из состава Совета И. Г. Дюсметов, И. С. Насонов, И. П. Егоров с формулировкой «за злоупотребления по службе, пособничество кражам, хищениям кооперативных средств и личное участие в растратах»⁵.

Только в ходе проверки и аттестации материально-ответственных работников, проведенной во втором полугодии 1949 г. и в первом квартале 1950 г., было выявлено и снято с работы 150 человек, имевших в прошлом растраты. Данные проверки 14 райпотребсоюзов показали, что в их аппаратах работали 22 человека, имевших в прошлом судимость. Только в Учалинском райпотребсоюзе на материально-ответственных долж-

¹ НАРБ, Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1296. Л. 135.

² Там же, Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1296. Л. 137.

³ Там же, Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1443. Л. 118.

⁴ Там же, Л. 119.

⁵ Там же, Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1295. Л. 74.

ностях работало 9 человек, имевших судимость, в том числе за растраты и хищения.

Отсутствие кропотливой работы по подбору и воспитанию кадров приводило к большой текучести и ухудшению качественного состава работников. Так, за 1950 г. сменилось 15 председателей райпотребсоюзов, что составляло 24 %, заведующих торговыми отделами — 22, что составило 35 %, завмагов и продавцов — 1200, что составило 32 %¹. В Янаульском районе за год сменилось более 70% работников, в Белорецком — 66%. С особым беспокойством в Башпотребсоюзе воспринимали тот факт, что в числе сменившихся значилось 70 молодых специалистов. Кроме того, в Баймакском районе 3 молодых специалиста, окончивших кооперативный техникум в 1950 г., были осуждены за растраты и хищения. Разумеется, что такая текучесть кадров позволяла свободно устраиваться на работу в кооперацию непроверенным лицам. Отметим, что в системе потребкооперации, несмотря на официальные запреты, руководство подбирало кадры не только по политическим, но и по деловым качествам. Далеко не всегда Правление Башсоюза обращало внимание на то, какими методами было достигнуто выполнение планов. Негласно поощрялись работники прилавка, которые любыми методами, в том числе незаконными, выполняли планы товарооборота и заготовок, обеспечивали кооперативную сеть необходимыми товарами.

Примером грубой ошибки в подборе кадров может служить случай в Правлении Уфимского райпотребсоюза, в котором приняли на должность председателя Черкасского сельпо Бельшеву-Харламову. Руководство было сбито с толку ее документами, а именно определением Верховного суда СССР о прекращении делопроизводства за отсутствием состава преступления от 2 августа 1947 г., а также решением Народного суда о возврате 2 тыс. руб., которые были изъяты при обыске. В итоге кандидатуру согласовали с райкомом партии. У председателя райпотребсоюза возникли подозрения после того, как он лично проверил три авансовых отчета. Была экстренно вызвана ревизия, а саму Бельшеву-Харламову отстранили от работы. Общая сумма недостачи составила 12 тыс. руб., из которых 9 тыс. руб. было погашено сразу.

С финансовой точки зрения небезынтересно узнать о том, из каких средств была погашена растрата. Оказалась, что председатель заготовила металлолом, а когда потребовали документы, она предъявила счет «Черметхромита», оттуда и

перечислили деньги потребкооперации. Где же удалось взять столько металлолома? Председатель пришла на завод, где ей выписали счет из расчета по 10 копеек за килограмм и дали пропуск на вывоз металла. В общей сложности было вывезено 13 тонн. Следствие заинтересовалось тем обстоятельством, что с завода выдали счет, а не стандартную для заготовительных операций квитанцию. В ходе расследования было установлено, что на заводе воровали железо, а кооперация фактически скупала краденое. В итоге получилось, что деньгами за краденый металл погасили растрату, а работники райпотребсоюза еще и получили премию за перевыполнение плана заготовок металлолома².

В протоколе заседания Правления Башсоюза от 6 февраля 1950 г. по итогам документальной ревизии Гафурийского райпотребсоюза была вскрыта растрата в 3055 руб., которая была выражена в наличии незаприходованных товаров (мяса и соли), причем по мясу была допущена пересортица³. 25 октября 1949 г. заведующего базой Кленова за растрату сняли с работы, с передачей материала прокурору. Кленов не гасил растрату, председатель обращался в прокуратуру, опасаясь, что Кленов распродаст имевшееся имущество. Кленов до ареста успел продать корову, двух свиней, два хромовых пальто. Председатель пожаловался прокурору, что Кленов с ножом его выслеживает, после чего перестал ходить на работу. В районе не было чая, но заведующий базой каким-то образом чай находил и привозил, когда стали проверять документы, оказалось что документы оформлены не на чай, а на водку. Таким образом, районная потребкооперация реализовывала ворованный чай, а водку в район вообще не завозили, так как в нем проживало в основном башкирское население.

Отметим, что для значительного числа советских граждан наиболее приемлемым и эффективным способом борьбы с преступностью являлось ужесточение санкций [Богданов, 2009, С. 10]. К примеру, на Уфимской универсальной базе с конца 1947 г. по начало 1948 г. растраты были выявлены почти у всех материально-ответственных лиц в общей сложности на 218 тыс. руб. Однако по результатам документальной ревизии директор базы был осужден на 10 лет, а один растратчик — на 20 лет, после чего на базе в течение двух лет не было растрат⁴.

По делу плодоовощного комбината Башсоюза, где по состоянию на начало 1948 г. были выяв-

² Там же, Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1443. Л. 55.

³ Там же, Л. 70.

⁴ Там же, Л. 71.

¹ НАРБ, Ф. П-122. Оп. 32. Д. 153. Л. 26.

лены растраты на 75 тыс. руб., из пяти привлеченных были осуждены только двое на 2,5 года лишения свободы, двое совершенно не получили наказания, а один успел скрыться от следствия. Например, Борисов растратил 27192 руб., получил только 1,5 года лишения свободы. За растрату 6855 руб. Сафронов не был привлечен к уголовной ответственности, так как суд решил взыскать растратенную сумму в гражданском порядке. Такой подход не способствовал ликвидации злоупотреблений, в результате на плодовоовощном комбинате растраты только нарастали из квартала в квартал.

Растратами и хищениями были поражены многие сельпо и рабочие кооперативы. В Улутелякском, Кигинском и Баймакском районах не было ни одного сельпо, не имеющего растрат. В Чишминском райпотребсоюзе было выявлено растрат на сумму 176 тыс. руб., что составило 0,45% к обороту, в Абзановском — 185 тыс. руб., что составило 1,54% к обороту, в Покровском — 207 тыс. руб. или 1,62% к обороту¹.

Материалы ревизий и проверок свидетельствовали об участившихся случаях групповых хищений, нередко совершаемых не только с ведома руководителей организаций, но и во главе с ними. /В расхищении кооперативной собственности также все больше уличались руководящие работники сельсоветов и колхозов. Например, в сельмаге Абдрашитовского сельпо Альшеевского райпотребсоюза у завмага Синагатуллина на 1 октября 1950 г. была выявлена недостача товароматериальных ценностей на сумму 49 тыс. руб. Ревизией было установлено, что завмаг с ведома председателя сельпо Ахмадуллиной, старшего бухгалтера Гиндуллина и члена ревизионной комиссии Салахутдинова на протяжении года скрывал растрату путем приписки к описи фактического наличия товаров².

Председатель правления Федоровского райпотребсоюза Кокурин и заведующий торговым отделом райпотребсоюза Есин длительное время занимались присвоением кооперативных ценностей, в коллективе насаждали семейственность и угодничество, регулярно пьянствовали с материально-ответственными лицами, толкая их на всякого рода злоупотребления. О действиях Кокурина и Есина знали в районном комитете партии и исполкоме райсовета, однако необходимых мер принято не было. Только после вмешательства обкома ВКП(б) Кокурин и Есин были сняты с работы и привлечены к уголовной ответственности³.

¹ НАРБ, Ф. П-122. Оп. 32. Д. 153. Л. 21.

² Там же, Л. 22.

³ Там же, Л. 28.

Совет Министров СССР в своем постановлении от 21 апреля 1949 г. «О неудовлетворительном финансовом положении потребительской кооперации и о мерах по его укреплению» отметил, что ревизионная работа и борьба за сохранность кооперативной собственности в потребительской кооперации поставлена неудовлетворительно. С тех пор прошло достаточно времени, но улучшений в работе не наступило. Контрольно-ревизионная работа в системе потребительской кооперации находилась на крайне низком уровне. План документальных ревизий за 1950 г. был выполнен только на 45%. Ряд торговых предприятий на протяжении длительного времени оставался неохваченным внезапными проверками и ревизиями.

В системе потребительской кооперации имелись все возможности для организации ревизионной работы и обеспечения контроля за сохранностью кооперативной собственности. Правительство пошло на то, чтобы увеличить штат ревизоров и к 1950 г. недостатка в этой категории работников не ощущалось. Кроме того, в Башкирии насчитывалось около 3-х тысяч членов ревизионных комиссий райпотребсоюзов и сельпо. К сожалению, ревизионные комиссии в своем большинстве не выполняли обязанностей, вытекающих из устава потребительского общества, и не могли организовать эффективную борьбу с хищениями кооперативной собственности. Больше того, отдельные члены ревизионных комиссий сами допускали разного рода злоупотребления и проступки.

Например, председатель ревизионной комиссии Первушинского сельпо Кушнаренковского района Фролов и член ревизионной комиссии Орлов длительное время скрывали растрату завмага Петровой, незаконно пользовались средствами кооператива, за что вместе с Петровой были осуждены к разным срокам наказания. В Янаульском районе член ревизионной комиссии Старокудашевского сельпо Месягутов за сокрытие растраты 6 тыс. руб. был осужден к пяти годам с взысканием суммы растраты по солидарной ответственности с завмагом⁴.

Одной из причин, порождающих новые растраты и злоупотребления в потребительской кооперации, являлось то, что многие растратчики, оставаясь безнаказанными, продолжали работать и совершали новые преступления.

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 января 1939 г. каждый случай растраты, недостачи и иного злоупотребления должен был обсуждаться на правлении

⁴ Там же, Л. 30.

кооперативной организации, которое было объявлено сообщать об этих фактах следственным органам для привлечения виновных к ответственности и для взыскания понесенных убытков. Эти требования закона многими кооперативными организациями грубо нарушались. Достаточно сказать, что за 1949 г. из всех выявленных растрат, было оформлено и передано в следственные органы менее половины дел. Случаи укрывательства растратчиков фиксировались в Салаватском, Чишминском, Альшеевском, Чекмагушевском районах республики. Многие руководители сельпо и других кооперативных предприятий вступали с преступниками в «договорные отношения», просили расхитителя добровольно погасить растроченные или похищенные средства, обещая не передавать материалы в следственные органы. Такие руководители самовольно еще и устанавливали «льготные сроки» для добровольного погашения растроченных или похищенных сумм. К примеру, у продавца Михайловского сельпо Стерлитамакского района Бахтиной была выявлена растрата 5 тыс. руб. Правление сельпо, обсудив этот факт на заседании, решило: «Поскольку Бахтина обещает покрыть недостачу к 22 сентября 1949 г., то материал следственным органам передать после 23 сентября». В результате Бахтина распродала все свое имущество и, не погасив растрату, скрылась¹. В Сибайском сельпо Баймакского района во время ревизии на 1 сентября 1950 г. была выявлена растрата у продавцов: Хасанова на сумму более 2 тыс. руб., Лянзберга — 500 руб., Галина — 500 руб. Все они были оставлены на работе, так как обещали погасить растраты. По результатам проверки выяснилось, что всего в Баймакском районе не было передано следственным органам 76 дел на сумму свыше 90 тыс. руб. Все это вело не к усилению борьбы с растратами и хищениями, а к насаждению преступников в систему потребкооперации. Всего в системе потребительской кооперации Башкирии по состоянию на 1 октября 1950 г. в бегах числился 121 расхититель, за которыми значилось 907 тыс. руб. расхищенных кооперативных средств².

Во многих преступлениях усматривалась прямая вина руководства и главных бухгалтеров, которые неоднократно принимали от растратчиков квартальные отчеты. К примеру, у бухгалтера (она же работала и кассиром) Петровского сельпо Бирского района Печенкиной 1 ноября 1949 г. была вскрыта недостача по кассе 941 руб., но после этого Печенкина осталась на работе. В декабре она растратила еще 2840 руб. и скрыла растрату,

¹ НАРБ, Ф. П-122. Оп. 32. Д. 153. Л. 32.

² Там же, Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 1375. Л. 75.

показав эту сумму на счете как средства в пути. Растрата была выявлена практикантом торгово-кооперативной школы.

Заведующий ларьком Юкаликульского сельпо Кигинского района Шагив с месячным оборотом 7—8 тыс. руб. смог растратить 20 602 руб. С целью сокрытия он показал завышенные товарные остатки в сумме 32 тыс. руб., хотя в маленьком ларьке поместить такую массу товаров было невозможно. Эту растрату выявил практикант торгово-кооперативной школы Такаузов³.

В Янаульском районе была вскрыта группа расхитителей кооперативной собственности в количестве 10 человек. В группу входили председатель Асылбашевского сельпо М. Н. Нурисламов, председатель Емадинского сельпо К. С. Муханов, ревизор Янаульского райпотребсоюза Ф. А. Зарипов, главный бухгалтер Янаульского райпотребсоюза А. М. Кудряшова.

Расследованием было установлено, что преступная группа занималась присвоением кооперативных средств, путем оформления фиктивных закупочных актов. Также преступники оформляли бестоварные накладные и счета, тем самым длительное время скрывали растраты. Ревизор Зарипов за взятку укрывал растраты в сельпо, а главный бухгалтер за взятку принимала к списанию фиктивные документы. Таким образом, преступники нанесли ущерб государству на сумму свыше 150 тыс. руб⁴.

Крупнейшим недостатком в работе потребкооперации оставалась необеспеченность сохранности социалистической собственности. Только за 9 месяцев 1953 г. было выявлено 958 случаев растрат и хищений на сумму 4393 тыс. руб., из которых удалось взыскать только 1931 тыс. руб. Только в Чишминском районе остаток невзысканных растрат на 1 октября 1953 г. составил 602,1 тыс. руб., в Баймакском районе — 511,1 тыс. руб. Из 451 сельпо, рабкоопов и райпо в 1952 г. не имели растрат 138, то есть всего 30,6%⁵.

Многие недостатки являлись следствием того, что организации потребкооперации работали в отрыве от пайщиков, от их контроля и воздействия. За первое полугодие 1953 г. отчитались о работе перед пайщиками лишь 28 из 63 правлений, а ревизионные комиссии сельпо — 259 раз вместо 876 раз, положенных по уставу.

Из произведенных 342 документальных ревизий хозяйственной деятельности сельпо за 9 месяцев 1953 г. лишь в 176 ревизиях приняли участие ревизионные комиссии сельпо. Силами ревизи-

³ Там же, Л. 92.

⁴ Там же, Л. 159.

⁵ Там же, Ф. П-122. Оп. 32. Д. 1066. Л. 27.

онных комиссий райпотребсоюзов, документальные ревизии в течение 9 месяцев 1953 г. были произведены лишь в 8 районах. Аналогичное положение дел наблюдалось и в деле организации внезапных ревизий.

Из сохранившейся в отчетах Министерства торговли информации по недостаткам, растратам и хищениям в местных торгах Башкирской АССР за 1951 г. следует, что за год было выявлено 8702 мелких недостатков на общую сумму 816 тыс. руб. и 170 растрат на сумму 516 тыс. руб.¹

По сравнению с 1950 г. растраты были снижены на 215 тыс. руб., но мелкие растраты возросли на 76 тыс. руб. Значительный рост растрат допустил Белорецкий торг, где по сравнению с 1950 г. суммы растрат возросли на 48 тыс. руб., Ишимбайский торг — на 37 тыс. руб. Было выявлено пять случаев крупных растрат на сумму свыше 15 тыс. руб.².

Все случаи крупных растрат на сумму свыше 5 тыс. руб. рассматривались лично начальником Управления местных торгов и Министром торговли. Виновные в допущении растрат, а также в сокрытии от учета выявленных растрат привлекались к административной и уголовной ответственности, в зависимости от степени виновности.

Помимо областных совещаний руководителей торговых организаций, на которых обсуждались вопросы борьбы с недостатками, растратами и хищениями, проводились специальные совещания с руководителями, главными бухгалтерами и бухгалтерами-ревизорами и инвентаризаторами о мерах борьбы с правонарушениями.

В 1951—1952 гг. была резко усилена контрольно-ревизионная работа, в результате годовые планы производства документальных ревизий в системе государственной торговли были выполнены полно-

¹ НАРБ, Ф. Р-976. Оп. 5. Д. 90. Л. 79.

² Там же, Л. 81.

стью. Подавляющим количеством торгов был перевыполнен план производства инвентаризаций. Принимались меры к дальнейшему улучшению контрольно-ревизионной работы, а также к улучшению качества бухгалтерского учета.

Таким образом, за период 1947—1953 гг. в борьбе с экономическими преступлениями в системах государственной и кооперативной торговли Башкирии произошли значительные изменения. Во-первых, ужесточение наказаний за хищение и растраты государственного и общественного имущества по Указу от 4 июня 1947 г. привело к снижению экономической преступности, что было подтверждено статистикой и конкретными примерами. Во-вторых, в системе потребкооперации увеличилось количество крупных растрат и хищений, фиксировался рост количества преступлений по предварительному сговору, в том числе при пособничестве бухгалтеров и членов ревизионных комиссий. Следует отметить, что на предприятиях потребительской кооперации уровень преступности был значительно выше, чем на предприятиях государственной торговли. В потребкооперации экономическая преступность отличалась особой устойчивостью, что во многом объясняется укоренившимися неформальными товарными отношениями, в которые были вовлечены некоторые представители местных властей, в том числе часть партийного актива. В-третьих, на снижение преступности повлияло увеличение количества документальных ревизий и внедрение новых методов контрольно-ревизионной работы. В-четвертых, сократилось количество вовлеченных в преступность работников прилавка, на что повлияло, с одной стороны, улучшение качества жизни из-за повышения оплаты труда, с другой стороны, существенно улучшилось кадровое обеспечение торговых предприятий из-за регулярных аттестаций материально-ответственных лиц.

Список литературы

1. Богданов С. В. «Теневая» грань советской повседневности первых послевоенных лет: власть, общество, уголовная преступность // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 103. С. 7—15.
2. Бордонов, С. А. Улучшить работу народных судов по охране социалистической собственности / С. А. Бордонов // Социалистическая законность. 1952. № 2. С. 1—6.
3. Громов Л. Необоснованное применение ст. 51 и 53 УК РСФСР ведет к ослаблению борьбы с хищениями социалистической собственности // Социалистическая законность. 1952. № 10. С. 26—29.
4. Емелин С. М. Основные направления противодействия общеуголовной и экономической преступности на Южном Урале во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 17 (308). Право. Вып. 37. С. 85—89.
5. Ерин Д. А. Борьба с хищениями социалистической собственности как важнейшее направление деятельности службы БХСС по обеспечению экономической безопасности советского государства в период с 1937 по 1941 г. // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1. С. 136—142.

6. Попова А. Д. Фронт после победы: причины роста преступности в СССР в послевоенные годы (1945—1950) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 1. С. 62—70.

7. Радонцев А. Повысить качество следствия по делам о хищениях // Социалистическая законность. 1952. № 3. С. 74—75.

8. Угольников В. Так нельзя бороться с хищениями социалистической собственности // Социалистическая законность. 1953. №1. С. 71—72.

9. Экономическая преступность в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала) / А. А. Аполовников, А. А. Пасс, М. Н. Потемкина, Н. Л. Усольцева. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2021. 359 с.

Сведения об авторе

Антошкин Анатолий Васильевич — кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания Муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Гимназия № 2» городского округа город Стерлитамак, Республика Башкортостан. aav151284@rambler.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2023. No. 1. P. 58—67.

Economic Crimes in State and Cooperative Trade in Bashkiria in 1947—1953

A. V. Antoshkin

Gymnasium No. 2, the city of Sterlitamak, Bashkortostan. aav151284@rambler.ru

On the basis of archive documents the article analyses economic crimes in organizations of state and cooperative trade in Bashkiria, and it singles out kinds and characteristic features of such crimes as well as ways of combating them. After the abolition of rationing in 1947, there was a constant growth of foodstuffs and goods turnover in the trade and storage network of the Ministry for trade and consumer cooperation in Bashkiria, which led to the increase of cash in their pay offices. Meanwhile, trade organizations increased the stock of valuable goods, including those in high demand, which had previously been in short supply. This necessitated the introduction of a set of measures aimed at securing socialist property in trading organizations. The research shows that the decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR of criminal liability for embezzlement and theft of state property, dated 4 June 1947, contributed to reducing the number of economic crimes in trade in some districts of Bashkiria. The success in combating economic crimes was due to a set of measures. Besides strict punishment, there were steady improvements in staffing trade organizations, regular attestations of employees accountable for assets were held, the number of unannounced documentation audits was rising gradually, and their quality was improving. At the same time, despite the general decrease of the number of economic crimes, the number of large embezzlements increased, there were cases of complicity of accountants and auditing commission members in such crimes; new forms of forging financial statements were devised.

Keywords: *trade, economic crimes, consumer cooperation, state retail network, embezzlement, theft, decree 4 June 1947, Bashkiria.*

References

1. Bogdanov S.V. «Tenevaya» gran' sovetskoy povsednevnosti pervykh poslevoennykh let: vlast', obshchestvo, ugovolnaya prestupnost' [The “Shadow” side of the Soviet daily life of the first post-war years: the authorities, society and crime]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2009, no. 103, pp. 7-15. (In Russ.).

2. Bordonov S.A. Uluchshit' rabotu narodnykh sudov po okhrane sotsialisticheskoy sobstvennosti [Improving the work of people's courts in protecting socialist property]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1952, no. 2, pp. 1—6. (In Russ.).

3. Gromov L. Neobosnovannoe primeneniye st. 51 i 53 UK RSFSR vedet k oslableniyu bor'by s khishcheniyami sotsialisticheskoy sobstvennosti [The unjustified use of Chapter 51 and 53 of the Criminal Code of the RSFSR leads to weakening the fight against thefts of socialist property]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1952, no. 10, pp. 26-29. (In Russ.).

4. Emelin S.M. Osnovnye napravleniya protivodeystviya obshcheugolovnoy i ekonomicheskoy prestupnosti na Yuzhnom Urале vo vtoroy polovine 1940-Kh — nachale 1950-kh godov [Main ways of combating general

and economic crime in the South Urals in the late 1940s to early 1950s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 17 (308), pp. 85-89. (In Russ.).

5. Erin D.A. Bor'ba s hishhenijami socialisticheskoy sobstvennosti kak vazhneyshee napravlenie dejatel'nosti sluzhby BHSS po obespecheniju jekonomicheskoy bezopasnosti sovetskogo gosudarstva v period s 1937 po 1941 g. [Combating the theft of socialist property as the most important activity of the service of BHSS to ensure the economic security of the Soviet state during the 1937—1941]. *Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta*, 2016, no. 1, pp. 136-142. (In Russ.).

6. Popova A. D. Front posle pobedy: prichiny rosta prestupnosti v SSSR v poslevoennye gody (1945—1950) [The battlefield after the victory: causes of the growth of crime in the USSR in the post-war years (1945 to 1950)]. *Vestnik kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. Vol. 23. No. 1. Pp. 62—70

7. Radontsev A. Povysit' kachestvo sledstviya po delam o khishcheniyakh [To increase the quality of investigation in cases of theft]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1952. No. 3. Pp. 74—75. (In Russ.).

8. Ugol'kov V. Tak nel'zya borot'sya s khishcheniyami sotsialisticheskoy sobstvennosti [This is not the right way to combat thefts of socialist property]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1953. No. 1. Pp. 71—72. (In Russ.).

9. A. A. Apolovnikov, A. A. Pass, M. N. Potemkina, N. L. Usol'tseva. Ekonomicheskaya prestupnost' v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Yuzhnogo Urala) [Economic crimes in the USSR during Great Patriotic War (based on sources from the South Urals)]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University publ., 2021. 359 p. (In Russ.).